

(ПРОДОЛЖЕНИЕ. НАЧАЛО В «СМЕНЕ» ОТ 4 МАРТА)

БЕДНАЯ я и несчастная. Всю-то меня обокрали. Вот, думала, приду к человеку-Лимонову, и поведем мы с ним долгий и мудрый разговор о любви высокой и отчаянной, что выше сознания. О такой, какой любил Эдичка свою Елену Прекрасную. Свою русскую девочку. Сволочь последнюю. Стерву. Эгоистку. Гадину. Животное. Паршивую русскую девушку. Сестру свою, сестричку. Дурочку свою. Но как увидела я Лимонова — не о двух метрах, и не в белых штанах, — так все и поняла. Враз лишили меня Эдички — гордого и неприкалного, отчаянно-несчастного, хулигана и мотушки, преступника потенциального, мальчика одинокого, поэта русского, гениального и непризнанного. Нет Эдички. Как и не было. Мне хотелось заорать на Лимонова, затопать. Вот ведь гад какой! — ну все-то выдумал. Ну ничего — азаправду. Кроме Нью-Йорка сумасшедшего. Кроме справки автобиографической: была когда-то жена — женщина по имени Леня. Я как повернулась отчаянно в этой квартире (а на Западе жилье оценивают не квадратными метрами, а числом комнат, так что его двухкомнатная — насвозь-сугубо-проходная, которую снимает он у одной актрисы из Америки, — в аккурат, по общему метразу, как спаленна в наших хрущобах), как махнула полкой, горшок глиняный с подоконника — бэмц! «Осторожно!» — буднично так, не по-эдичкиному, сказал Эдуард Веняминович. — Это же — марихуана». — «А-а!» — воспряла духом я. — А говорили — не наркоман». — «Так это же для красоты. Для зелени». Тыфу ты! Тоска зеленая.

ЛЮБИ «СОВРАСКУ» — БУДЕШЬ ЗНАМЕНИТ

— Эдуард, и в Америке, и сейчас вы постоянно следите за тем, что происходит у нас. Вы достаточно информированы или — в общих чертах?

— Я вообще — как это называется? По-английски легче — информейшен фрикс: то есть я немножко как бы даже чокнутый на информации. Я постоянно читаю баснословное количество газет на многих языках, слушаю несколько раз в день разные радио — Би-би-си, «Инглиш серфис», по-французски — «Радио-Франс-интернационал». То есть я всю мою жизнь каждый день глотаю куски информации. Поэтому я действительно знаю очень многие вещи. Плюс еще, к счастью (поскольку знаю несколько языков), есть возможность иметь какую-то сравнительную информацию. Скажем, информация часто зависит от страны, в которой вы живете. Французское радио, например, по-разному вещает о своих подвигах в Чаде. А по Би-би-си можно услышать более объективную информацию. То есть все скрывают свои грехи, безусловно. Только русские, по-моему, сейчас, напротив, своими грехами очень хвалятся.

— В таком случае, вы должны знать, что в определенной среде прогрессивной интеллигенции считается, например, неприличным выступать или давать интервью «Советской России». Поскольку эта газета достаточно себя скомпрометировала на заре зарождения демократии. И то, что Лимонов высказывает свою точку зрения именно в этой газете...

— Ага, а если другие газеты не дают мне возможности высказать свое мнение, то где же мне?.. Я начал, между прочим, с того, что в 90-м году, летом еще, послал одну из первых своих статей в «Литературную газету». И мне четыре раза не отвечали (четыре раза я посылал статью) просто наглým образом. А потом в конце концов сказали: бурлацкий просил вас передать, что он не может ставить под удар газету. Я взял и передал статью в «Известия». Ее напечатали. В общей сложности — две мои статьи. Потом, когда «Известия» не напечатала третью, я стал искать себе другое издание. И тогда же меня печатал «Собеседник», сокращая очень сильно, чем я был недоволен, но в общем «Собеседник» напечатал большое количество моих статей.

Но почему-то, как обычно, никто не обратил внимания на то, что меня печатает «Собеседник», а на то, что меня печатает «Советская Россия», — тотчас же обратили внимание. И мне это даже доставило определенное удовольствие, потому что я понял: как все просто устроено. И глупо. Значит, чтобы быть читаемым, надо печататься в «Советской России». Вообще я разделяю определенные взгляды «Советской России», это мое право. У них тоже взгляды коллективные, они меняются... Иногда я их позицию разделяю,

иногда — не совсем, но никто меня об этом не спрашивает в «Советской России». И печатают, лишь иногда убирая слишком резкие, по их мнению, какие-то выпады. Например, я в одной из статей сказал, что Горбачев и компания заслуживают гильотины. Убрали.

— Хотя это должно было быть в их духе...

— В их духе, а вот видите... Может быть, они тоже — демократы?

— Ой! — Но в любом случае вы поняли: я печатаюсь там, где меня хотят печатать. Я бы охотно хотел печататься повсюду. И вообще мой принцип: я отвечаю только за свой текст. Исключительно. Может быть завтра окажется, что редактор какой-нибудь газеты убил ребенка или что-то еще... Я тут совершенно ни при чем. Совершенно. За тексты других людей или за позицию газеты я не отвечаю.

— Один из критиков упрекнул вас в предательстве дела интеллигенции. Что на это можно сказать?

— Я себя никогда не считал принадлежащим к интеллигенции. Профессионально — может быть, но к классу интеллигентскому никогда не принадлежал. Как можно предать то, к чему не принадлежишь?

— Я родился в рабочем квартале. И впоследствии у меня была хорошая защищенность. Полтора года сам работал сталеваром, до этого — монтажником-высотником, возводил в поле цех. Так что я приехал в Москву, пришел в стихи уже сложившимся в определенной степени человеком. То есть у меня был сзади опыт, было какое-то скептическое, инородное отношение ко многим вещам.

— Откуда? Народ ведь в то время молчал.

— А кто вам сказал, что он молчал? Ничего подобного. Когда с ним соприкасаешься, когда есть часть его, то видишь, что он никогда не молчал. Были и забастовки. Например, я в 63-м году сам участвовал в забастовке на заводе. В истории, правда, будут говорить: нет, никогда этого не было. Да. Но наша бригада не стала работать, отказалась, потому что нам снизили расценки. И мы сидели много дней. Нас пытались угорорить, пугали, но... Что такое сталевары? Это грязная, тяжелая работа. Там работали люди, уже сидевшие в тюрьме, какие-то люди, приехавшие из деревень заработать, или такие вот, как я, которые совершенно было все равно — пугают их или нет. Просто нас нечего было лишить. Как писал Орзулл, достаточно верно, в своей книге «84-й год»: пролетариев особенно не трогали, потому что чего с него возьмешь? Там было повсюду — в этой среде. Это и потом мне помогло. В Нью-Йорке я делал абсолютно все: я ремонтировал, перестраивал

какие-то безумные дачи на севере штата Нью-Йорк. Был там каменщиком, рыл землю, работал в ресторанах: басбоям, потом официантом и даже поваром. Красил, как грек, квартиры. Работал, повторюсь, у мультимиллионера хаускипером — как это по-русски? — мажордомом. Позднее написал об этом роман под названием «История его слуги».

Отец мой был офицер. Хотя ушел в отставку всего-навсего в чине капитана. Мать моя всю жизнь была, как многие советские жены офицеров и многие женщины того периода, — домохозяйкой. Жили мы всегда в одной комнате. Отец приобрел кооперативную квартиру в возрасте пятидесяти лет, когда я уже с ними не жил. Так я и ушел от них во взрослую жизнь из одной комнаты.

Я очень горжусь своими родителями и считаю, что они дали мне все, что могли. Это

Шеварднадзе — вообще болван. Я его видел здесь по Французскому телевидению. Мне было стыдно! Мне было стыдно, что этот человек представляет мою страну. Он не мог даже защититься интеллектуально! Ну пусть он не говорит ни на одном языке, бог с ним, это его личное дело. Но в таком случае, как он может быть министром иностранных дел? Даже это! Почему такие бездарные люди, может быть, и с лучшими побуждениями, были допущены к управлению страной?

Вот это опять-таки один из самых больших упреков, которые можно предъявить компартии. Как компартия умудрилась вывести эту породу совершенно искусственных, бездарных администраторов? Выгода, очевидно, в процессе, всех лучших отсеивая и оставляя вот только таких, которые могут договориться, услужливых, недалеких, банальных. Банальных! Эти люди баналь-

газет. И этим, естественно, будет ударено по свободе слова. Нам говорили, что перед отъездом на Волгу и на Урал он собрал редакторов всех газет и прочитал им мораль: что, мол, надо быть... приличными. Что все редактора по привычке встали, когда вошел Ельцин. Ну, наверное, встали — не так плохо, надо вставать, все-таки глава государства. Но все это очень похоже на ту же однопартийную систему.

Собственно, удивляться ничему не приходится, потому что это те же люди. Аппаратчики. Это люди той же формации, это тот же политический класс у власти. Что изменилось? В результате я даже стал симпатизировать даже демократам, которых выставили из администрации Ельцина.

— А возможно в демократической Франции выжить журналиста с пресс-конференции?

— Нет, это конечно, — нет.

которые он претворяет в жизнь. Весь механизм французского государства работает на это.

Страна должна иметь мудрого человека во главе государства, а не функционера, который сегодня слушает одних советников, завтра — других. Вот что случилось с Горбачевым, вы видели. И немало еще будет бед именно потому, что люди, находящиеся сегодня у власти, они — не годятся. Как говорят американцы: работа слишком велика для них. Это работа — управлять таким государством.

— Но ведь слушать умных людей и, может быть, подпитываясь их идеями, поворачивать все это в свое русло — не так уж плохо?

— Все верно. Надо слушать умных людей. Но если сам человек не мудр и не умен и не имеет своих собственных идей, то он будет всегда качаться от одного мнения к другому.

Повторю: вся проблема

меня же постоянно... Ладно — оставим меня. Я прочел о Зиновьеве, по-моему, в «Литературной газете». Приведено его интервью из западного журнала и после этого интервью тут же, рядом, опубликована статья какого-то дяди, которая объясняет, почему Зиновьев такой. И среди прочего — значит, почему же Зиновьев такой? — он говорит: Зиновьев, очевидно, не сумел вжиться в Запад. Это настолько смешно, глупо, детски и идиотично! Как это Зиновьев не сумел вжиться в Запад? Когда я сюда приехал, его книги здесь продавались такими тиражами, которые не снились никому! Зиновьеву давали — как ни одному советскому человеку, как ни кому-нибудь Горбачеву или Шеварднадзе, — давали в свое время по полтора часа на телевидении только для того, чтобы он отвечал на вопросы. Постепенно интерес стал меньше, но все равно, когда при-

юзе. Я издал массу книг. Я имел доступ к газетам, в журналы, я распространяя своим мнением и этцтера. В Советском Союзе у меня не было никаких условий. Поэтому — все глупейшие упреки...

Я уехал из той страны — у меня ничего не было: ни квартиры, ничего. Хотя, если бы я был советским писателем, имел бы там какие-то, я не знаю, льготы. Теперь люди, которые прекрасно жили при всех режимах, говорят: почему он не едет к нам, в нашу разрушенную страну, голодать вместе с нами? Почему вы меня не звали, когда у вас не было голода, а были все эти дачи? Почему мне там ничего не дали? Я могу и так сказать. Я не говорю так, но я могу сказать.

— Да, плохая была система, о чем говорить...

— Да, но хотя бы — кормила. Вы знаете, прежде чем ломать эту, надо было создать другую.

— Но она перестала уже кормить!

— Это иллюзии. В 85-м и в 86-м годах был еще прирост достаточный. Даже сам Горбачев говорил: у нас вот прирост три и девять десятых процента (в 86-м году он говорил в Ленинграде), в прошлом году был четыре и один, а нам нужно по меньшей мере иметь каждый год куда больше четырех процентов, чтобы подняться на ноги. Сейчас не то что прирост... — об этом даже говорить смешно. Вон оценили недавно американские специалисты, что в 10 раз хуже великой депрессии то, что происходит в России. Результаты катастрофические. Но еще с небольшой, но значительной поправкой: во время депрессии не было разрушено хозяйство. Был финансовый кризис, действительно. Но не разрушались заводы. Экономика вся оставалась. То есть, это катастрофа небывалая в масштабах вообще человечества. Кто умудрился с 85/86-го года из этой бедной, но кормившей все же людей коммунистической экономики скатить всех к катастрофе? Кто ответствен за все это? Кто?

— Эдуард, вы и частную собственность не поощряете?

— Да какая разница? — какая собственность?

— Есть большая разница.

— Понимаете, надо, чтобы люди работали, платили государству налоги и зарабатывали на жизнь себе. Вот вся история. Понимаете? А частная это собственность или не частная... Я же вижу, что частной собственности люди не хотят. По-моему, всего 29 тысяч хозяйств фермерских приватизированы. В общей сложности около 70 тысяч человек.

— Люди разучились на земле работать.

— Так вы что, хотите заставить их насильно, научить?

Сейчас говорят: надо приватизировать... Ельцин обещал приватизировать 50 процентов всех предприятий. А люди обещали ему взять эти предприятия к себе? Он что — найдет 50 процентов, покупателей на 50 процентов? Я сомневаюсь очень.

Вот я и говорю. Это и есть некомпетентность властей. Некомпетентность лидеров. Ладно, бог с ними со всеми.

— Вы не собираетесь писать какой-нибудь политический роман или политический детектив?

— Не собираюсь. Потому что, пока напишешь политический детектив, ситуация изменится. Нет.

— А стихи?

— Я собираюсь, если смогу, участвовать в политике. Стихи я уже не пишу давным-давно.

— Но принимать участие в политике, это не значит — литературу в сторону?

— Литература она и есть литература. Никто никогда себе не говорит: ну-ка, положу я в стол литературу. Нет. Но в данном случае меня все больше интересует политика. Когда я вижу таких масштабов катастрофу, то я говорю себе: надо что-то делать.

Галина ЛЕОНТЬЕВА

(ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ)

Три чашки кофе с Лимоновым

Самовар. — Санкт-Петербург. — 1992. — 5 марта

всегда была и есть любящая друг друга пара. Теперь они живут на территории другого государства уже — украинцы.

— И сейчас захватят наше Черное море.

— Ха-ха. Ну, если смогут, то — да.

— А они знают о том, как вы тут живете?

— Мы переписываемся. Ну, вообще говоря, советским родителям не все же можно писать. И не надо все писать. Зачем же их расстраивать? Да и любимым родителям надо врать иногда.

— Эдуард, а что это: Лимонов не любит русских эмигрантов, не любит Россию...

— Кто это сказал или написал? Лимонов не любит Россию? Ну, это совершенно бездарная глупость! Потому что еще мои первые стихи — одновременно фольклорные и авангардистские — о русском. Я больше двадцати лет тому назад написал небольшую поэму «Русское», и позднее моя первая книга стихов была названа «Русское». То есть при всем желании я не понимаю недоумение людей, которые сегодня говорят: почему это вдруг оказалось, что Лимонов — националист. Или патриот. Я всегда был и националистом и патриотом. Более того — милитаристом. Я написал «Оду армии» 20 лет тому назад. Я никогда другим и не был. Совершенно. Ничего тут сверхъестественного я не вижу. Это просто люди ограниченные считают, что если человек авангардист, то почему-то автоматически должен быть демократом. Значит, автоматически он должен защищать какие-то определенные ценности. Нет, я защищаю другие ценности.

— Как вы оцениваете наших политиков?

— Политики перестройки? Я бы скорей говорил о группе: Горбачев, Шеварднадзе, Яковлев, Болваны. Болваны, которые во всем виновны. Начиная самое большое дело, они не имели никакого заранее разработанного плана. Все их аксиомы перестройки оказались абсолютно ложными. Когда Яковлев утверждает, что проблема национальности — это экономическая проблема, то спрашиваешь себя: и это — политика? И это человек, который среди прочих управлял 300-миллионной страной! Какое право он имеет управлять страной, если он не знает даже совершенно азбучных истин? Какая экономика? Первыми на территории Советского Союза заявили о своем желании выйти из СССР как раз наиболее экономически развитые страны. Прибалты. Или те же кавказские страны. У которых благосостояние куда выше, чем у других. То есть — все наоборот.

Но их банальность в масштабах такого государства — опасна. Смотрите, сколько уже конфликтов, войн, сколько людей уже убито. Никто еще не сел и не подсчитал с карандашом в руках: наверняка уже больше, чем в афганской войне. Кто будет отвечать? Их надо судить за это преступление. Если у меня когда-нибудь будет чуть-чуть немножко общественно-политической силы в Советском Союзе, я непременно буду говорить об этом. Что нужно судить этих людей. Потому что, если они не будут осуждены сегодня, а будут спокойно оставлены на заслуженном отдыхе, это откроет путь еще к завтрашним преступлениям. Это все очень серьезно. Уже беженцев миллионы, 200 тысяч из одной только Армении сбежало в Азербайджан и наоборот — из Азербайджана в Армению 200 тысяч — это вам уже 400 тысяч перемещенных лиц. Сколько русских людей уже убежало из Прибалтики, сколько сейчас едут с Украины, из Казахстана, из среднеазиатских республик! Кто за все это будет отвечать? Если говорить о цивилизованном обществе, то в нем именно таких лидеров судили бы. Может быть, в процессе суда проявились бы какие-то смягчающие обстоятельства (я не знаю — незнание, глупость), но судить надо.

— А те, кто пришел на смену, — Ельцин и его команда — внушают вам доверие?

— По стандартам, например, той же Франции, Ельцин — это абсолютно авторитарный лидер. Это человек, который еще до путча, по-моему, 20 июля, подписал Указ, практически запрещающий деятельность партии на заводах. Так там, в этом указе, во втором параграфе есть четкий антипрофсоюзный закон. Там написано, что деятельность профсоюзных и всяких организаций на заводах может быть выношена (кто ли?) только с согласия администрации и рабочих коллективов. Где это видано? Сто лет или больше рабочее движение на Западе боролось за то, чтобы профсоюзы можно было бы организовывать свободно, без какого-либо разрешения. За это велась столетняя борьба. И вдруг приходит человек, называет себя демократом, и одним росчерком пера отнимает кусок свободы. Человек, который запретил только что выборы (якобы, до декабря 1992 года). Где это видано: запретил партии, запретил выборы?

Администрация Ельцина каким-то хитрым маневром, экономическими мерами делает невыносимой жизнь многих

Но в демократической Франции многое возможно. Мне здесь не печатают массу статей. Прекрасным образом вы не найдете издателя для выражения каких-то взглядов, которые расходятся с какими-то общепринятыми здесь политическими взглядами. Это есть. И немалому количеству людей затыкают рот. Разрушают газеты — тоже финансово.

Но ведь господин Ельцин себя называет новым лидером, новым демократом: вот в чем все дело. Его слова совершенно не соответствуют действительности. И реальности. Ну, я не думаю, что он сможет долго продержаться, потому что меры, которые он проводит, — очень глупые, непопулярные. Я в начале января слушал по Би-би-си маршала Голдмана, известного экономиста из Гарварда. Он только что вернулся из Москвы и был абсолютно в ужасе. Он сказал: с какой же целью проводилось это освобождение цен? Для того, чтобы товары оказались в магазинах, наконец, при таких ценах. А товаров просто не оказалось в наличии. И он говорит: это все просто путь к катастрофе.

Русским народом, российским народом уже нельзя управлять декретами с высоты. Декретов можно наплодить сколько угодно. Горбачев ушел, подписав, по-моему, две с половиной тысячи декретов, Ельцин подпишет еще большее количество. Эти декреты не выполнялись, на мой взгляд, должно быть участие всей массы советского населения (или российского, как хотите) в том, что происходит. Участие же это невозможно до сих пор, потому что вся демократическая так называемая революция происходила сверху, совершалась людьми старого политического класса.

— А кто-нибудь из политиков вселяет в вас оптимизм? За кем вам интересно наблюдать?

— Я наблюдаю за всей политической, и за всей за ней интересной наблюдая. Несмотря на то, что она катастрофична. Я пока слежу за карьерой Ельцина. У него нет своих идей, вот в чем вся его история. Он сейчас поверил в это освобождение цен, ему внушили... У самого его, к сожалению, нет идей. Вот это ужасно. Потому что опять-таки, советские лидеры — все это функционеры. У них есть советники, своих идей у них нет. Что очень опасно. Они — бесперспективны.

Вот, например, во Франции есть Миттеран. У него есть идеи. Мне они неинтересны. Но однако у него есть идеи,

России, что не существует умного политического класса. Не существует вообще никакого политического класса. Существует класс функционеров.

Так хотя бы, действительно, слушали умные советы. Вот, скажем, говорят о Западе Зиновьев. Я не часто разделяю его взгляды. Но что бы он ни говорил, он все-таки имеет опыт жизни на Западе. Что бы я ни говорил, я живу здесь больше семнадцати лет. Я встречался с различными людьми на всех уровнях знания, социальной лестницы знания. Во мне какое-то количество многих тысяч кусков знаний, которых просто у советского человека, даже самого интеллигентного, нет. Я не предлагаю, чтобы все разделяли мои взгляды, но надо прислушаться, когда люди вам говорят. Такие, как Зиновьев или я. Или кто-то еще другой. Может быть, эти люди все-таки компетентны? Более компетентны, чем советские экономисты или еще кто-то, бог знает кто.

Меня постоянно оспаривают совершенно хамски, грубо и глупо. Я никого никогда не в одной своей статье не обвинял, не называл как-то там.

ехал сюда Ельцин, года два назад, то именно Зиновьева пригласили полизировать с Ельциным. Как можно, объясняя позицию, говорить: человек не вжилась. А как он должен вжиться? Что, он должен стать буржуа западным? Французом или немцем? Ему семьдесят лет, между нами.

Теперь говорят: Зиновьев не хочет возвращаться в Советский Союз. А в 70 лет довольно трудно куда-либо возвращаться и переезжать. Это его личное дело. Это не значит, что то, что он говорит о Советском Союзе, не имеет смысла, если он не хочет возвращаться.

— Но согласитесь, что есть все-таки уязвимая позиция в том, что человек, страшно критикуя западную систему, продолжает оставаться в этой системе. Это — уязвимость. Он подставляет.

— А как быть? Кто сказал, что надо куда-то бежать? Куда же бежать, если советская система еще похуже? Человек не может бегать, как таракан, знаете, из одной щели в другую. Он сам выбирает, где жить. Я, например, жил на Западе и не желаю, чтобы здесь жил. Когда я здесь жил, все эти годы был очень эффективен. Я не мог быть так эффективен в Советском Со-